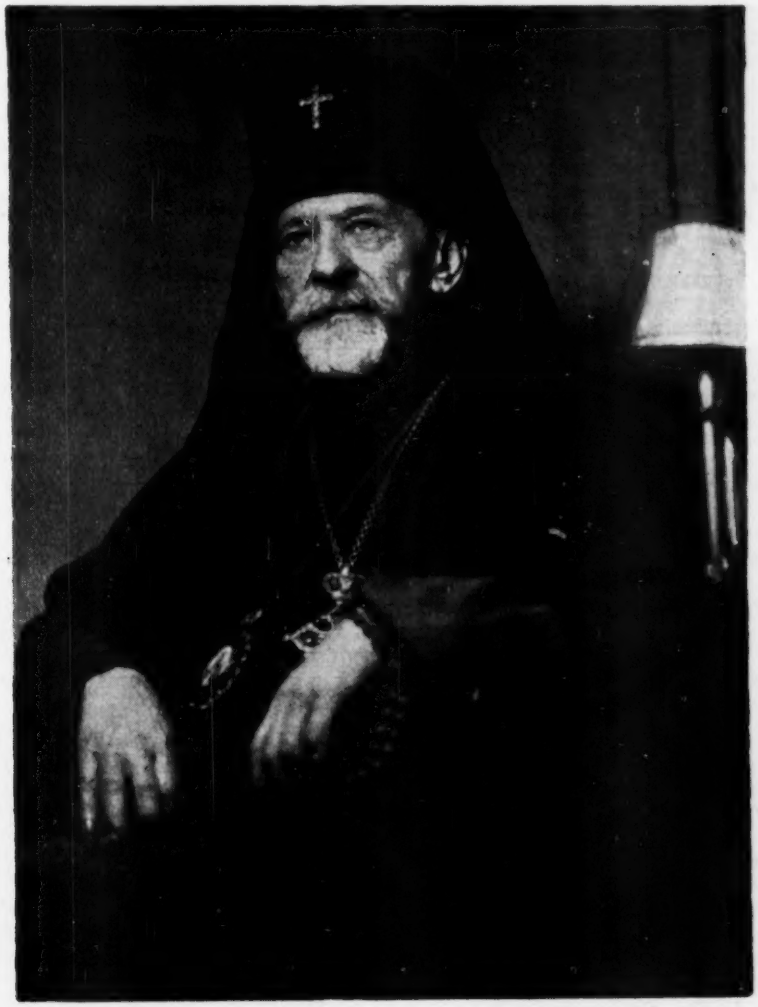
ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

"ONE CHURCH"

Vol. 6. No. 9-10 September-October 1952 Price 25¢



Архиепископ Филадельфийский и Карпаторусский АДАМ,
заместитель Экзарха Московской Патриархии.

КОНЧИНА ЕПИСКОПА ЛУЖСКОГО СИМЕОНА

РЕКТОРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Из Ленинграда пришла скорбная весть о кончине Преосвященного епископа Лужского Симеона, ректора Ленинградской Духовной Академии.

Епископ Симеон (в миру Сергей Иванович Бычков) скончался на 70-ом году жизни от кровоизлияния в мозг. Он родился в 1882 году в гор. Новом Осколе, Курской области. Он окончил Старо-Оскольское духовное училище, затем Курскую духовную семинарию и, наконец, в 1908 году С.-Петербургскую Духовную Академию. С 1912 года по 1947 он был священником. В 1947 г. он был пострижен в монашество и хиротонисан в викарного епископа Ленинградской епархии. В следующем 1948 году епископ Симеон был поставлен во главе ленинградских духовных школ — Академии и семинарии.

Последний год Преосвященный Симеон стал заметно физически слабеть, но, побеждая силою духа, телесную слабость, с трудом поднимался в академический храм и совершал богослужения. Владыка не мог по болезни произносить, как раньше, длинных речей и поучений, но не оставлял свою паству без кратких приветственных слов и пожеланий.

В экзаменационный период он не пропустил ни одного экзамена и ни одного заседания совета Академии. Последняя литургия, отслуженная им при выпуске Академии и семинарии в Неделю всех святых в земли Российстей просиявших, была его последней литургией. Подобно многим, живущим духовной жизнью людям, Преосвященный Симеон предчувствовал свою близкую кончину. Он объявил окружающим, что умирает.

Он сделал некоторые приготовления к смерти, а вечером за последней трапезой заметно стал терять дар речи. Сознавая это, он подкреплял себя молитвой, произнося вслух: «Христос — моя сила». Затем, помолчав, произнес слова из тропаря Божией Матери: «...потщися, погибаем». Особенно ласково Преосвященный простился со всеми, кто у него был, и, несколько раз благословив их, ушел в свою спальную комнату. На следующий день у него произошел паралич правой стороны тела. Над ним было совершено таинство елеосвящения. Отяжелевшей рукой Владыка пытался совершить крестное знамение. Когда дыхание его стало трудным, над ним стали читать канон на разлучение души с телом. Когда наступление смерти стало очевидным была прочитана отходная. Преосвященный Симеон испустил последний вздох и в этот момент из глаз его выкатились две слезы.

Тотчас совершена была первая панихида. Весть о кончине епископа Симеона быстро разнеслась и в Академию начался поток людей, желавших проститься с архипастырем. Чтение над усопшим Евангелия в актовом зале Академии совершалось священнослужителями, панихиды следовали одна за другой. Через три дня тело было перенесено в Академическую церковь, где был совершен парастас. На нем присутствовал Преосвященный Роман, епископ Таллинский и Эстонский. На следующий день Божественную литургию совершил Преосвященный Роман в сослужении кафедрального протоиерея о. Е. Лукина, профессора протоиерея о. В. Верюжского и другого духовенства при пении хора митрополичьих певчих и народа. Отпевание совершил митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий в сослужении епископа Романа и 40 священников при 8 диаконах.

Тело Преосвященного Симеона было перевезено затем в Парголово и предано земле за алтарем местного храма по обнесении последнего при пении ирмосов великого канона.

ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

Официальный ежемесячный журнал
Экзархата Русской Православной Церкви в Америке
Главный Редактор — С. И. Гусев-Оренбургский

Подписка на год — 3 доллара. За-границу — 4 доллара. Отдельный номер — 25 центов.

One Church

15 East 97th Street, New York 29, N. Y. Tel.: AT 9-1915.

Official Journal of the Russian Orthodox Catholic Church.
Publisher: Archdiocese of the Aleutian Islands and North America.
Editor in Chief: S. I. Gussiev-Orenburgsky.

Subscription in U. S. $3.00; Abroad $4.00 per year. **Single issue: 25 c.**

Editorial Board:

Archbishop Adam
S. I. Gussiev-Orenburgsky
Prince A. M. Putiatin
N. V. Stember
Rev. D. Abramtsov
P. A. Krochta.

АРХИЕПИСКОП АДАМ

(К СОРОКАЛЕТИЮ СВЯЩЕНСТВА И ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ЕПИСКОПСТВА)

Потомок гетмана Конашевича-Сагайдачного

Архиепископ Адам (в миру Адам Аполлинариевич Филипповский) родился в местечке Руда, Жидачевского уезда, в Вост. Галичине 17/30-го января 1881 года, где его отец, священник Аполлинарий Филипповский, был в то время настоятелем прихода.

Род Филипповских — старинный род священников, причем по семейной традиции передавалось, что один из предков его эмигрировал из России, повидимому в 18-ом веке (неизвестно из какой области), и поселился в пределах бывшего древнего Галицко-Волынского княжества.

По матери, Модесте Львовне (дочери о. Льва Конашевича) архиепископ Адам происходит по прямой линии от известного русского патриота, гетмана Запорожской Сечи, Петра Конашевича-Сагайдачного, стараниями и заботами которого была возобновлена русская православная иерархия на всей территории Юго-Западной Руси, в те времена находившейся под вековым владычеством магнатской Польши и подвергшейся неимоверным притеснениям, религиозным и национальным, как со стороны правительственных кругов Польши, так и со стороны иезуитов, непримиримых врагов русской нации и веры.

На долю гетмана Конашевича-Сагайдачного († в Киеве в 1622 г.) выпала задача вести переговоры с Восточными Патриархами и искать способов, втайне от польского правительства, спасти погибающее Православие на Малой Руси, где, в особенности после введения унии с Римом (Брестская Уния 1596 г.), Польша изо всех сил и не останавливаясь ни перед чем, старалась совершенно вытеснить Православие и на его место ввести католичество и силою подчинить малорусское население Риму. Петр Конашевич-Сагайдачный (сам уроженец Галиции; город Самбор — его родина), видел опасность, угрожающую Православию, еще будучи Запорожским гетманом и, став затем гетманом Войск Казацких, добился, наконец, того, что, приехавший на малорусские земли патриарх Иерусалимский Феофан посвятил ряд православных епископов, и, таким образом, возобновил в пределах малорусских земель православные епископства, укрепляя в жестоко преследуемом населении Малой Руси православную веру и надежду на церковное и народное возрождение.

Память славного предка, разумеется, всегда хранилась в роде Конашевичей с благоговением и образ великого защитника русской веры и народа никогда не померкал в памяти его потомков, передаваясь от отца к сыну, как пример, достойный наследования и подражания.

Борьба за русскую культуру в австрийской школе

Адам Аполлинариевич Филипповский по окончании нисших народных училищ перешел в девяностых годах в классическую гимназию в городе Бережанах, которую окончил в 1900 году. Еще будучи в старших классах гимназии, он организовал среди своих коллег «тайную организацию» — Литературно-просветительный кружок, целью которого ставилось изучение Русской истории и литературы (что решительно воспрещалось в обстановке австрийского владычества в Галиции, когда свирепствовал дух ненависти и злобы ко

всему русскому). Как раз в то время грубой силой насаждалось (в особенности среди школьной молодежи) украинофильство, вскоре принявшее форму настоящего «мазепинства», окончательно порывавшего с исконной галицкой идеологией народного и религиозного единения с Русью.

Внедряя эот мазепинство, школьная администрация действовала в согласии с решительными директивами центральных немецко-австрийских властей, встречавших деятельную поддержку и среди католических польских кругов Галиции, всеми силами стремиться к искоренению всякого намека на русское самосознание среди учащихся. Православие считалось в этих кругах недопустимым явлением, а отстаивание традиций русского единства и неделимой целостности русского народа — настоящим преступлением, караемым не только исключением из учебных заведений, но и преданием суду с неизбежным осуждением на тюремное заключение!

В условиях подлинного террора и под угрозой таких исключительных мероприятий протекала учеба юных гимназистов, которые рисковали в любой момент полным провалом учебной карьеры со всеми последствиями —недопущения в высшие учебные заведения, университеты или академии. И однажды, в результате доноса соглядатая-мазепинца, притворившегося русским и проникшим в кружок, чуть не разразилась катастрофа. К счастью добрейший законоучитель о. Михаил Соневицкий, заблаговремено уведомил членов организации об образовании следственной комиссии, так что, когда мазепинец-преподаватель Бачинский явился для расследования, гимназисты успели уничтожить всю их корреспонденицию с руководителями русского народного движения и припрятать имевшуюся у них скромную библиотеку русских классиков. Таким образом расследование, предпринятое администрацией гимназии, не обнаружило ничего, что могло бы дать повод к репрессиям. А надо знать, что, будь найдены книги — История государства российского Карамзина, собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого и других классиков «москалей», — за одно чтение их всех членов кружка (около 40 гимназистов) изгнали бы из гимназии без права поступления в какую-либо из других гимназий австро-венгерской монархии. До того немецко-польский режим в тогдашней Галичине отличался дикостью и произволом по отношению к русским национальным идеалам, приверженность к которым на языке властей предержащих классифицировался, как «здрада», то-есть измена государственному строю!

Во Львовском университете

По окончании курса гимназии и выдержав испытания на аттестат зрелости, Адам Филипповский поступил в университет во Львове. Пройдя сначала курс богословия, он перешел на юридический факультет, готовясь со временем стать адвокатом. Адвокатура считалась довольно независимой профессией и позволила бы ему отдать свои силы и способности народному делу, столь нуждавшемуся в помощи независимых лидеров и защитников, какими могли быть именно адвокаты. Но судьба решила иначе. Проходя в университете курс юриспруденции, молодой студент-юрист слушал также лекции по философии и истории, в частности по истории Восточной Европы. Его интересовали также вопросы экономики, входившие в число предметов юридического факультета. Как раз в те времена усилилась эмиграция в Америку, принимавшая масовый характер. Желая изучить проблемы эмиграции (и поощряемый к тому отцом — влиятельным священником и известным экономистом, всячески содействовавшим галицким крестьянам в их переселенческом движении, которое способствовало освобождению их от рабской кабальной зависимости от помещиков-иностранцев и приисканию за морем несравненно лучше оплачиваемого труда) — Адам Аполлинариевич решает ехать в Америку.

В 1903 г., выдержав первый государственный экзамен по юридическим наукам, он отправляется в Соединенные Штаты и в июле прибывает в Нью-Иорк. Не будет излишним упомянуть здесь, что в то время, в атмосфере, навеянной польским панством, мало кто в среде галицких интеллигентов интересовался вопросом переселения на заработки за-море. Для этих интеллигентов вопрос эмиграции не представлялся важным или, по крайней мере, он рассматривался или, как малосущественное и неизбежное периодическое явление. Некоторыми же эмиграция просто порицалась вообще, как опасный почин, способствующий численному уменшению русского элемента на родной земле и потере для нашего народа нового поколения на чужбине в силу денационализации и ассимиляции. Так что самая мысль о поездке молодого студента заграницу, будь то хотя бы для научно-исследовательских целей, считалась чем-то излишним и даже опасным.

По приезде в Америку студент Филипповский сразу же взялся за писательское дело. Еще на школьной скамье он обнаружил талант, широко за ним признанный. В Соединенных Штатах он начал помещать свои статьи в тогдашней русской печати, больше всего в издававшейся в Нью-Иорке газете «Правда». На его статьи сразу обратили внимание и он тут же получил назначение на пост главного редактора «Правды». В то время разгоралось народное самосознание среди выходцев из Австро-Венгрии. Стремясь сорвать русское национальное движение среди переселенцев, австрийцы и поляки из-за моря продолжали оказывать поддержку украинофильскому мазепинству-отщепенству. И, несмотря на широкую симпатию иммигрантов к русской идеологии, у этой последней почти не было ярких представителей кроме единичных личностей вроде руссофила-священника о. Обушкевича (униата) или о. Алексея Товта (тоже угрорусса). Со стороны украинофилов-мазепинцев всё определеннее становилось сепаратистское течение. Какой-то ис-

ПОСЛЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ В БОГОЯВЛЕНСКОМ ПАТРИАРШЕМ СОБОРЕ В МОСКВЕ

Слева направо: экзарх Московской Патриархии в Западной Европе архиепископ Берлинский и Германский Борис; митрополит Крутицкий и Коломенский Николай; Святейший Патриарх Алексий; митрополит Пражский и всея Чехословакии Елевферий; архиепископ Филадельфийский и Карпаторусский Адам, заместитель экзарха Московской партиархии в Америке.

кусственный и совершенно неуравновешенный экстремизм раздувался антирусскими элементами. Организация «Русский народный союз», когда-то — и совсем еще недавно — созданная такими людьми, как о. Обушкевич, Грушка, Сит и др., никогда не помышлявшими ни о каком сепаратизме, стала внезапно «переницьовуватися», обростать чужими перьями. Из «Русского народного союза» неожидано вылупился «Украинский народный союз». С его официозным органом «Свобода», называвшимся сначала «русским», затем «руским» (с одним «с»), наконец «руським» органом печати, произошла весьма специфическая метаморфоза. В одно прекрасное утро, как по мановению волшебной палочки, «Свобода» превратилась в «украинский» орган Украинского же союза, точно так же, как из русских (с двумя «с» или с одним или с добавлением мягкого знака) начали превращаться и униатские церкви, принимая названия «укариньска греко-католическа церква»! Наши газеты, как «Правда» и «Свет», давали решительный отпор этой пародии и вели против нее систематическую полемику.

Надо заметить, что такого рода трансформация и перекрещивание стали проявляться с особой силой с того времени, как в нашем народе тут за морем начала расти тяга к русскому Православию. И наибольшего ожесточения достигли они, когда из Сан-Франциско в Нью-Иорк переселился первосвятитель Православной Церкви в Америке архиепископ (впоследствии патриарх) Тихон.

Под омофором будущего Патриарха

С этим благостным Святителем А. А. Филипповского связывала самая тесная дружба. С отеческой заботой относился Владыка к молодому студенту, постоянно приглашая его к себе на серьезные и задушевные разговоры. Часто советы его касались личной судьбы и будущего Адама Аполлинариевича. Чуткий архипастырь видел в молодом друге своем не только русского патриота, и печатным словом, и всей своей деятельностью защищавшего русскую национальную идею, но и поборника православной веры. Будучи прихожанином кафедрального храма и участником архиерейского хора, Адам Филипповский не пропускал ни одного воскресенья, чтобы не повидать своего старшего друга и любимого руководителя и не получить от него благословения и отеческой ласки.

В то время в нью-норкском кафедральном соборе клир и его окружение были замечательны по своему составу. Тут студенту Филипповскому приходилось постоянно встречаться с симпатичным и престарелым российским генеральным консулом Н. Н. Лодыженским, с кафедральным протоиереем — прекрасным проповедником — о. А. Хатовицким, с протоиереем о. А. Немоловским — тоже талантливым проповедником и церковным писателем, ныне благополучно здравствующим архиепископом. Все эти выдающиеся деятели всё больше привлекали юного Филипповского к работе на народно-церковном поприще. Арихепи-

скоп Тихон, видя в нем возможного помощника-миссионера, неоднократно предлагал ему рукоположить его во священника для Американской Миссии. Как ни ценны и лестны были эти предложения, Адам Аполлинариевич вынужден был отложить намерение принять священство из-за необходимости закончить университет и, для этого, возвратиться на родину, что он и сделал в 1905 году.

Годы священства о. Адама Филипповского

С переездом в родной край переписка А. А. Филипповского с архиепископом Тихоном не прервалась. По сей день с подобающей честью хранятся им письма от благостного Владыки, посылавшиеся ему из Америки, а затем, с назначением архиепископа на новые кафедры, из Ярославля и Вильны. В каждом из них Святитель, не оставляя своей мысли, поощрял своего молодого друга посвятить себя служению Церкви. Но пророческому слову доброго архипастыря суждено было сбыться лишь несколькими годами позже, когда А. А. закончил университет и получил «абсолюториум», то-есть диплом о прохождении курса юридических наук. В 1912 г. он переехал окончательно в Америку и в том же году был рукоположен во иерея преосвященным епископом Александром (Немоловским)[1], замещавшим вызванного в Россию на сессию Святейшего Синода архиепископа Платона, в том же храме, где несколькими годами ранее он имел счастье обрести такую светлую духовную атмосферу в период архиерейства архиепископа Тихона, где сам постоянно пел в кафедральном хоре.

Став священником, о. Адам назначался духовными властями на ответственные посты в приходы, где надо было проявить энергию и способность к организации приходской жизни. Поэтому ему часто приходилось менять место службы. Начиная с поручения организовать приход на Пойнтбриз в Филадельфии, о. Адам Филипповский получал задания и в ряде других мест, как Ньюарк, Бруклин и, наконец, был назначен на проэктируемый новый приход на 7-ю улицу в Нью-Иорке, который вскоре вырос в один из самых видных и значительных приходов. В бытность свою настоятелем этого нью-иоркского прихода Воскресения Христова, он был назначен и затем избран конвенцией на пост редактора газеты «Свет». Одновременно он был назначен преподавателем Духовной семинарии в Тенефлай (штат Нью Джерзей), членом Учебного комитета епархии и избран секретарем общества «Ревнитель Православия». Все эти должности о. Адам занимал в продолжении двух лет, пока не получил в 1916 году при архиепископе Евдокиме назначения в Канаду администратором епархии, благочинным и, вскоре вслед за тем, в 1917 году, кафедральным протоиереем в Виннипеге.

[1] Высокопреосвященный Владыка Александр в настоящее время занимает кафедру архиепископа Брюссельского и Бельгийского.

В том же 1917 г. Преосвященным Александром он был посвящен в сан архимандрита в монастыре (впоследствии сгоревшем) в Востоке (провинция Альберта в Канаде), где он принимал и чин пострига. Архиепископ Евдоким посылал о. Адама Филипповского в Канаду, предназначая его к хиротонисанию во епископа для Канады. Но дело с его епископской хиротонией затянулось вследствие разрухи, возникшей после переворота в России. Архиепископ Евдоким в 1917 же году отбыл в Россию для участия во всероссийском церковном соборе и больше уже не возвращался в Америку. Уезжая, он передал свою власть викарным архиереям — епископам Александру и Стефану. Из-за разных обстоятельств нестроения продолжались в Америке, пока не приехал — эмигрантом и «гостем» — митрополит Одесский Платон, бывший до первой мировой войны архиепископом Алеутским и Северо-Американским. Митрополит постарался устранить епископа Александра и, ссылаясь на назначение, якобы исходившее от Патриарха Тихона, взял в свои руки управление американской епархией. Епископ Стефан оспаривал захват духовной власти митрополитом Платоном и одновременно сам провозгласил себя временно управляющим епархией.

Время проходило в спорах и судебных тяжбах и о новой хиротонии не приходилось помышлять. Только в 1922 году епископ Стефан решил, наконец, совершить чин хиротонии, когда церковные съезды в Канаде и народные конгрессы в Соединенных Штатах стали настаивать на крайней необходимости выполнить волю уехавшего в Россию архиепископа Евдокима, обещавшего православной Канаде нового епископа в лице архимандрита Адама. В день св. Апостола Филиппа, 24-го октября 1922 года, епископ Стефан, в качестве временного правящего архиерея совершил хиротонию архимандрита Адама Филипповского во епископа Канадского, пригласив к участию в таинстве рукоположения пребывавшего тогда в Америке Чешско-Моравского православного епископа Преосвященного Горазда, почитаемого ныне вселенским Православием мученика и основателя Чехословацкой Православной Церкви[2].

Земляк

[2] Епископ Горазд, первый православный епископ из чехов, называется ныне «возобновителем чешского Православия» и «кирилло-мефодиевской традиции»; он был расстрелян германскими палачами вместе с настоятелем пражского православного прихода о. Вячеславом Чиклом, священником того же прихода о. Владимиром Петржеком и председателем приходского совета Яном Зонневендом 4-го сентября 1942 года. Дело епископа Горазда увенчалось успехом: в настоящее время автокефальная Чехословацкая Православная Церковь, возглавляемая Блаженнейшим митрополитом Елевферием Пражским и всея Чехословакии, состоит из четырех епархий и число приходов ее не перестает возрастать.

Новгородская икона Знамения Божией Матери.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОГО ХРИСТИАНСТВА

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В НОВГОРОДСКОЙ РУСИ

Христианство возникло на русском севере в прямой и тесной связи с продвижением русской колонизации на пространствах Новгородской земли. Понятие «Русский север», конечно, широко и условно. Можно, однако, принять за границу этого «севера» 60-тую параллель, 60-тый градус северной широты. Это окажется чертой, более или менее соответствующей течению р. Невы, южному берегу озер Ладожского и Белого, северному углу Кубенского озера, среднему течению рек Сухоны и Юга и верхнему течению Камы. За исключением Белого озера и гор. Устюга Великого при слиянии Сухоны и Юга, входивших в состав Владимиро-Суздальского княжества, вся эта территория была подвластна Господину Великому Новгороду. И зачатки христианской религии в этих, тогда совсем пустынных лесных местностях появляются вместе с ранними русскими колонистами с XI-го века.

Именно в XI-ом веке русское православие уже проникает в бассейн Ладожского озера. И тут это проникновение сразу приобретает характер миссионерский, а не только колонизаторский. Это наиболее заселенная часть территорий, лежащих за 60-тым градусом. Владимир Святой, прославившийся княжением в Киеве, воспитывался в Новгороде, с которым его связывало многое. Он имел все основания стремиться распространить христианство, введенное им в Киевской Руси, и на северных окраинах Руси Новгородской. Новгород властвовал над финскими племенами на побережьях Финского залива и Ладоги: Води в юго-восточном углу Финского залива, Еми (или Ями) в северо-восточном его углу и далее к северу по финским озерам, Корелы между Ладожским озером и Белым морем.

Известно, что св. Авраамий Ростовский принял монашество в XI-ом веке. Между тем, он, видимо, был пострижен на Валааме. Считается, что знаменитый Преображенский монастырь на Валаамских островах был основан лишь в более позднее время, но до него несомненно существовала там ранняя обитель. Ярослав Всеволодович, отец св. князя Александра Невского, правивший в Новгороде в тридцатых годах XIII-го века, уделял особое внимание проповеди христианства среди финских племен севера и посылал миссионеров в Карелию. С этого же времени можно говорить и о появлении русского населения к северу и северо-востоку от Ладоги. В предыдущем веке дело ограничивалось экспедициями. Впрочем, и в более отдаленные времена — с XI-го столетия — уже ведется обследование русскими северного края. Эти экспедиции, одновременного торгового и военного характера, —

первые усилия Новгорода создать обширную «колониальную» империю на северо-востоке. Основное побуждение тут — изыскание необходимого Новгороду сырья, главным образом ценного пушного товара.

* * * *

Морская торговля очень рано стала одной из важнейших отраслей новгородского хозяйства. Пушной промысел давал этому хозяйству главный продукт его вывоза. Отсюда и стремление новгородцев овладеть лесами Севера, как источником драгоценных мехов. Для Новгородской Руси этот товар превратился в основное средство обмена в международном торговом обороте. За иностранные товары, как и за зерно более южных русских земель новгородцы платили главным образом пушниной. Добывание мехов для торгово-промышленного Новгорода, с его суровым климатом и неблагодарной почвой, почти не знавшего сельского хозяйства, было насущной необходимостью. И, по мере того, как его промышленники истребляли фауну ближних лесных пространств, зверь уходил все дальше, становился редким и менее доступным. Бобр, рысь, росомаха, куница, песец, лисица и, особенно соболь завлекали новгородские экспедиции все дальше на север и восток. Соболь был действительно «золотом древней Руси» и за ним беспрестанно гнались новгородцы. Их авангарды охотников и колонистов без устали разведывали для своего города новые земли.

При подобных предприятиях, часто носивших характер набегов, участие духовенства почти совершенно исключалось. Авантюристы, действовавшие на свой страх и риск, обходились без священников и предпочитали не связывать себя никакими нравственными правилами. Обращение таких налетчиков с туземными финскими племенами, как и с предварившими их и успевшими обжиться соотечественниками нередко бывало по меньшей мере предосудительным. Более организованные походы отрядов, снаряженных новгородскими властями, все чаще включали уже духовников, в которых на пути и дальних зимовках имели нужду их участники. Морские экспедиции новгородцев в северные края также забирали с собой иногда священников. Морские походы эти отличались смелостью и подвижностью.

Экипажи новгородских «ушкуев» — легких судов, чрезвычайно удобных для плавания в исключительно разнообразных условиях по рекам, озерам, морским проливам, часто среди дрейфующих льдин — создали тип отчаянного, выносливого и находчивого новгородского ушкуйника. Эти буйные представители новгородской вольницы более всех других групп населения раздвигают рубежи Новгородской земли. С их средой не связывается представлений о православном благочестии. Религиозная жизнь самого Новгорода получает заметное развитие к тому времени, когда окончательно складывается его политическая самостоятельность, то-есть — к XIII-му веку. До XII-го столетия во всей северной Руси известны лишь четыре монастыря, но за одно это же столетие в самом Новгороде возникает до 20, в то время, как в стольном Киеве число монастырей не превосходит 15.

* * * *

В XII-ом веке уже наметился «отлив русской жизни с юга на север», по выражению историка Ключевского. В этом причина распространения религиозных центров все дальше к северу. Таким образом, если до XII-го столетия вышеупомянутым четырем монастырям, существовавшим в северной Руси, соответствовало 20 монастырей в южной Руси, то с XII-го века это соотношение совершенно меняется: в этом веке на севере возникает около 40 новых монастырей, а на юге только 9. И это только начало действительно грандиозного процесса. Монастырская жизнь, рассадница древнего благочестия и просвещения, распространяется на верхней Волге, во Владимире, Суздале, Ростове Великом, Переяславле Залесском, вокруг будущего сердца России — Москвы (основанной Юрием Долгоруким в 1147 г.). Но в тот век преобладающее значение остается еще за северо-западными русскими землями и большая часть новых монастырей приходится на Новгород и города, бывшие его спутниками: Псков, Старую Руссу, Ладогу.

Роль новгородских архиепископов не перестает возрастать. При столкновениях между аристократическим и демократическим началом в вечно шумящей новгородской республике с ее выборными князьями и посадниками-градоначальниками архиепископы — «владыки» — выступают арбитрами. Возле величественного собора св. Софии-Премудрости Божией (постройки 1045-1052 гг.) помещается и дом св. Софии — резиденция новгородских владык. И часто совещания городских людей опыта и совета в доме св. Софии находят решения умиротворяющие и умеряющие, без которых страсти, разыгравшиеся на вече — новгородском парламенте под открытым небом — возымели бы катастрофические для Новгорода последствия. Епископы новгородские содержали даже собственную гвардию — «владычный полк».

* * * *

Как мы видели, в XII-ом веке и даже раньше нужда в новых территориях, богатых пушным зверем, была уже велика. Новгородцы усердно расширяли к востоку свои области — «пятины» и «волости». В конце XII-го столетия (в 1187 и 1193 годах) они проникали военными экспедициями в глубину бассейна р. Вычегды, доходя до Печоры, впадающей в Баренцово море и даже переходя северный Урал. Они наталкивались там на отчаянное и часто успешное сопротивление югры, наиболее воинственного из финских племен. Во втором из этих походов весь отряд, возглавлявшийся новгородским воеводой Ядреем, был целиком истреблен хантами (остяками).

Тем не менее, Новгород признавал своими четыре «волости» к востоку от Северной Двины: Тре (или Терский берег) на северном побережьи Бе-

лого моря, Пермь по течению Вычегды с ее притоками, Печору в бассейне реки того же имени и Югру за северной частью Уральского хребта. На самую же Северную Двину и «Студеное» море новгородские пионеры уже давно проложили ряд путей, большей частью водных, и постепенно закрепили за собой бассейн рек Мологи, Сухоны и Онеги, образовав на их территориях «пятины» Обонежскую и Бежецкую. Необходимость обладания Обонежской «пятиной», простиравшейся от Волхова до Белого моря, объяснялась развитием, параллельно с пушным промыслом и обложением данью в виде той же пушнины туземных племен, еще и рыболовства в северных реках и Белом море.

На северо-западе у новгородцев издавна шли столкновения с финнами — ямью, а с XII-го века — со шведами. Крестовые походы последних, побуждаемых римскими папами распространять западное христианство на восток от Балтики, доводили их до новгородских владений. Новгородцы соперничали со шведами на всем пространстве между Ладожским озером и Ботническим заливом. Решительный почин тут стал возможен для шведов с воцарения Эрика IX-го (1150-1160 гг.), когда шведские междоусобия стали стихать. Эрик покорил западную Финляндию и оставил в ее древней столице Турку (Або) епископа Генриха, впоследствии провозглашенного святым и покровителем Финляндии. Но вскоре после этого западные финны вернулись в свое первоначальное язычество.

В 1164 году шведы при короле Магнусе *(1160-1165 гг.) осаждали* новгородскую крепость Ладогу, но новгородские войска не только сняли осаду, но и истребили осаждавших, из которых лишь немногие спаслись бегством. В 1188 году новгородцы ответили походом в Финляндию. В 1191 г. они опять вторглись в Финляндию, на этот раз поддержанные карелами. В этот период перевес остается за русскими и карелы подпадают под влияние православия, которое распространяется среди них уже значительно легче. Летописец *говорит об обращении карел в христианство под 1227* годом. При этом противодействия миссионерами уже почти не оказывается. В том же 1227 г. новгородцы предпринимают один из самых значительных походов на Емь и фактически занимают большую часть Финляндии, вывозя оттуда большую дань и уводя множество пленных. Годом позже финны пытаются вторгнуться в район Ладоги, но новгородские войска отбрасывают их с уроном.

* * * *

Так начинается эпоха св. князя Александра Невского. К этому времени карелы оказываются между двух могущественных соседей. Они с выгодой для себя пользуются этим положением, переходя то в одну, то в другую вассальную зависимость. Но при этом они так же просто меняют религию. С начала XII-го века шведы возобновляют свою миссионерскую деятельность в Финляндии. В Турку вновь появляется римско-католический епископ Томас, родом англичанин. В 1240 г. шведы пытаются нанести решительный удар русским. Знаменитый ярл Биргер, основатель Стокгольма, делает высадку на Неве, но новгородцы во главе с князем Александром Ярославичем одерживают победу, после которой за ним закрепляется прозвище «Невского». Два года спустя Александр Невский громит рыцарей Ливонского ордена в Ледовом побоище на Чудском озере.

В 1249 г. оправившийся Биргер закрепляет за Швецией западную Финляндию и принуждает ее население принять католическую религию. К концу XIII-го века шведы распространяют свое влияние к востоку и в 1293 г. Торкель Кнутсон основывает шведскую крепость Выборг. С этого времени особенно католичество проникает и в Карелию.

Начало XIV-го века проходит в нападениях обеих сторон. В 1310 г. новгородцы снаряжают экспедицию за Валаам в северо-восточный угол Ладожского озера, где основывают город-крепость Корелу. В 1313 г. шведы налетают на гор. Ладога близ устья Волхова и сжигают его. В 1314 г. восставшие на Карельском перешейке карелы сдают гор. Корелу шведам, но Новгород отбивает его в том же году обратно. В 1317 г. шведы громят новгородские промыслы на восточном берегу Ладожского озера. При этом страдают не только купцы и промышленники новгородские, но и православное духовенство. Вокруг Ладожского озера в Вотской и Обонежской пятинах было сожжено во время этих набегов немало храмов и часовен. Ряд монастырей был разрушен или разорен.

В 1323 г. для обеспечения всего Ладожского бассейна от набегов через Неву новгородцы основали у самого места, где она вытекает из озера, крепость Орешек (впоследствии под шведским владычеством — Нотеборг, наконец, по взятии его Петром Великим — Шлиссельбург). Тогда же был заключен между Новгородом и Швецией «вечный мир», который, конечно, не оказался слишком продолжительным. Но с этого времени возрастает значение монастырей всей Ладожской системы. Прежде всего, с основанием гор. Корела возникает *заслон для Валаамских островов. Валаамский монастырь, всегда славившийся особо* строгой монашеской дисциплиной и аскетизмом своих иноков, излучает все большее духовное влияние. С Валаама начнется поприще св. св. Савватия и Зосимы, основателей другой великой обители на далеких Соловках.

* * * *

Постепенно на берегах Ладоги появляются все в большем числе монастыри и пустыни. В городе *Старая Ладога существовало пять монастырей:* Николаевский на посаде, Христорождественский на посаде, Богородичный или Пречистенский женский, Иоанновский и Симеоновский. Вблизи, на правом берегу Волхова, еще Васильевский. У устья Волхова — Медведский Николаевский с 30 иноками, на самом Ладожском озере — Стороженская пустынь с братией той же численности и Троицкий Сенной монастырь. На том же водном пути из Новгорода в море у начала Невы в Орешке возникло два монастыря: Рождества Богородицы на Лопской стороне и Николаевский на островке. Далее к северу

в Кореле было построено четыре монастыря: Воскресенский, Никольский, Юрьев и Иоанно-Предтечев на устье р. Узервы. В Копорье и близ него еще три: Богородицкий на посаде, Елисеева пустынь в Каргальском погосте на р. Систи и Никольский женский в Суидовском погосте.

К востоку, между реками Волховом и Свирью, было разбросано несколько малых монастырей (монастырьков) и отдельных келий. Можно отметить Андрусов Николаевский монастырь, прозванный Андреевой Новой пустынью. Впоследствии на Свири возникнет наиболее прославленный после Валаамского из всех монастырей Ладожского бассейна — Троицкая Александрова пустынь, основанная преп. Александром Свирским. Но это уже относится к XV-му веку — веку «Святой Руси». Тогда весь русский Север просветится необычайным духовным расцветом. Это будет делом Московской Руси, когда из обители преп. Сергия выйдет столько великих подвижников — основателей и игуменов новых «питомников» северного русского православия, белозерских, кубенских, комельских, глушицких групп монастырей.

Однако, населенность всей территории Новгородской земли в период ее независимости оставалась весьма разреженной. Духовенство, в частности, было представлено в отдаленных местностях единичными священниками, время от времени объезжавшими поселенцев. В некоторых колониях и рыбачьих поселках сооружались примитивные часовни, накрытые кровлей из бересты, в которых помещались иконы. В этих убогих храмах почти никогда не совершалось литургий. Священники большей частью причащали в них местных жителей св. Дарами, привезенными издалека. Нередко возле таких часовен селились особо набожные старцы, иногда принимавшие постриг. Они оказывались и сторожами этих скромных святынь, и хранителями религиозных традиций и обрядов в среде пришлого населения, и миссионерами среди почти столь же малочисленных туземцев.

* * * *

В новгородский период на русском севере густо населены и даже перенаселены были лишь главные города: сам Великий Новгород, затем полувассал, полусоперник его Псков и, в меньшей степени, Старая Русса. Эти торгово-промышленные центры не только руководили всей хозяйственной жизнью огромного края, но и поглощали большую, а, главное, наиболее деятельную часть его жителей. При крайней централизации экономической жизни и концентрации торгового населения колонизация естественно находилась в прямой зависимости от руководящих классов и групп самого Новгорода. Поэтому и прибрежные земли всего бассейна Белого моря и его рыбные промыслы сосредоточились в руках могущественных новгородских боярских родов. Так знаменитая семья Борецких, с особым упорством отстаивавшая независимость Новгорода от усиливавшейся московской монархии, владела к XV веку большей частью наиболее доступного и удобного «летнего» (южного) берега Белого моря.

К этому времени все побережье Белого моря было уже окаймлено колониями русских переселенцев, рыболовов и зверопромышленников, зависевших от новгородских бояр, а отчасти и от появившихся на крайнем Севере монастырей. XV-ый век будет эпохой смены суверенитета на русском севере. Аристократическая торговая республика Господина Великого Новгорода — «Венеция Севера», отличавшаяся энергией, инициативой и агрессивностью — клонилась к упадку. Ее внутреннее разложение совпадет с ростом могущества Москвы, которая из веков монгольского ига выйдет национальным и культурным центром объединенной России.

Беспокойный и предприимчивый вольный город навсегда утрачивал свое историческое значение, свой экономический размах и политические вожделения, чтобы с положения гордой северной метрополии сойти на уровень тихого и провинциального русского захолустья. С Великим Новгородом исчезла красочная, своеобразная и своенравная русская вольница, избиравшая и низлагавшая своих эфемерных правителей, решавшая свои дела после споров, драк и часто кровавых побоищ на пристанях, базарах и площадях на всенародном вече. В современном мире не осталось ничего похожего на это вече, кроме разве несравненно более мирных, степенных и благонравных швейцарских «ландесгемейнде».

Но Новгород оставил в наследие русскому православию непреходящие ценности. Это не только замечательные образцы религиозного искусства — изумительные соборы, храмы, монастыри, иконы и фрески новгородоской эпохи. Новгород, давший Русской Церкви стольких святых и, в частности, стольких святых святителей, продолжил и развил дело Киева, выработав тип архипастыря-судьи, епископа-примирителя, архиерея-защитника и попечителя паствы в самом широком, общегражданском и социальном смысле. Архиепископы новгородские, начиная с первого из них, св. Иоанна, были подлинными отцами своего города и всей его земли.

Новгород вместе с Киевом подготовил и поприще Москвы в деле углубления древнего русского благочестия. Валаам и Соловки это «лавры» новгородские, это рассадники аскетизма сурового, стойкого и подлинно новгородского духовного «стиля». Новгородская традиция монашества — звено между киевским, печерским иночеством и святостью XV-го и XVI-го веков. Наконец, Новгород передал всем православным свои святыни. Вероятно, наиболее чтимой и дорогой из них для православного человека остается память о «Знамении Божией Матери», то-есть о чуде, спасшем Новгород в 1170 г. от осады и гибели. Икона Знамения почитается, как одна из самых известных в православном мире чудотворных икон. И она сияет перед нами вечным символом исконного стояния Новгородской Руси в православной вере.

Александр Казем-Бек.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА В НАШИ ДНИ

(Впечатления паломников и посетителей)

СУПРУГА БРИТАНСКОГО ПОСЛА О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОКРОВИЩАХ ЛАВРЫ

Из книг и очерков о современой жизни в России, изданных за истекшие год-два, выделяется описание поездок по святым и историческим местам древней Руси лэди Келли, супруги б. британского посла в Москве, сэра Дэвида Келли. Лэди Келли интересуется искусством и вправе считать себя добросовестным туристом, который вникает в содержание и суть художественных ценностей. Ее впечатление от памятников русского зодчества и искусства показывают, как сильно эти последние действуют на всех непредубежденных людей. Жена британского дипломата сопутствовала мужу и путешествовала без него со своими сыновьями и чинами британского посольства. Она побывала в таких местах, куда не удосуживались просить пропусков другие члены дипломатического корпуса: в монастырях Суздаля и Углича, в кремлях Новгорода, Пскова и Ростова Великого, в старых храмах Ярославля и Мурома. Она хотела, как она объясняет сама, проникнуть в душу русского народа, запечатленную в созданных им художественных памятниках. Лэди Келли посетила и Троице-Сергиеву лавру в Загорске. В данном случае туристам довелось, наряду с предметами художественного интереса, соприкоснуться с живой тканью русского православия. Приводим несколько выдержек из описания лэди Келли:

«Загорск расположен на холме. Покатость местности открывает вид на всю Троицкую лавру. Окруженные красной с белым стеной с башнями, здания ее стоят, как сказочные, сияя мягким золотом, меловой матовой белизной, оттенками бледно-розовых, яшмово-зеленых, сиенских красных тонов. Над всем этим высятся пять куполов Успенского собора в своей глубокой синеве, оживляемой рассыпанными по ним золотыми звездами, которые в этот мартовский день слегка запорошило снегом. Как бы ставшая действительностью икона XIV-го века, красота которой захватывает дух.

Входя в главные ворота, ведущие с площади в стены лавры, легко забыть настоящее и невзрачность окружающего города и вернуться вспять на шесть веков. В эстетическом отношении этот уголок составляет самое русское, что только можно найти под Москвой. Растрелли и Ухтомский в середине XVIII-го века создали пятиярусную белую с розовым колокольню в стиле барокко. Во всей монастырской ограде это единственное сооружение не в древне-русском стиле, но, из-за высоты своей, одинокого местоположения и пропорциональности, оно являет чарующий контраст с более низкими зданиями, придавая характер утонченности всему этому чисто русскому целому. В свое время на ней было до 40 колоколов. Сохранившиеся все еще звонят каждый полдень. Тут всё проникнуто простосердечной верой тысяч набожных паломников, которые всё еще сходятся сюда, несмотря на трудности, сложности и неудобства.

Мощи преп. Сергия по сей день покоятся в большой открытой раке из тусклого серебра. Это — дар Иоанна Грозного. Над ней нависает сень балдахином — дар императрицы Анны Иоанновны. Верующие приходят благоговейно приложиться к покровам на мощах. Рака установлена перед иконостасом. Множество свечей горит вокруг. Когда мы прибыли, духовенство и народ молились и их смиренные песнопения звучали глубоко волнующе, как и во всех русских церквах.

Этот небольшой по размерам храм, в художественном отношении жемчужина Троице-Сергиева ансамбля, был сооружен в 1422 году на месте деревянной церковки преп. Сергия. Это — квадратная каменная постройка строгой простоты с одним лишь изящным выпукленным продольным узором над узкими окнами.

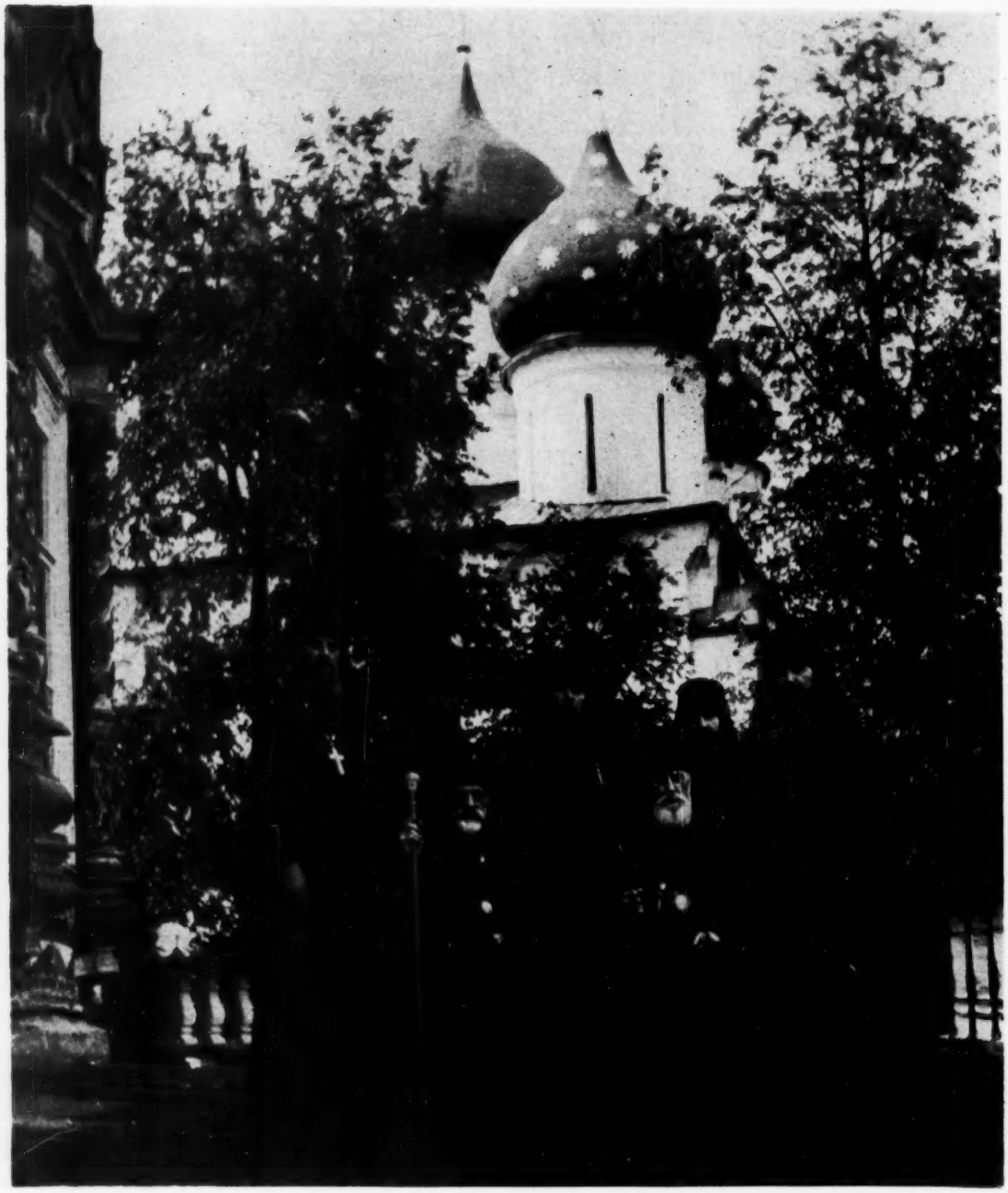
Как и Димитриевский собор и Покров на Нерли во Владимире у храма св. Сергия — один купол[1]. Внутри было темно, но мы, к счастью, имели возможность видеть фрески 16-го века, освещенные электричеством из-за шедшей тогда реставрации внутренности купола. Три наслоения красок смывалось при помощи кислот. Реставрационные работы производятся с осторожностью и раскрывают вереницы святых и пророков, написанных в ласкающих глаз темнокрасных и зеленых тонах без ярких бликов, но с единообразием рисунка, как будто вся эта роспись восходила к тому же периоду. Обычно в фресковом творчестве поражает отсутствие выражения и однообразие ликов. Но тут не так. Монахи, писавшие эти библейские сцены, несомненно имели перед глазами известных и знакомых им людей: все эти лики различны и обладают своей индивидуальностью.

Купол поддерживается двумя столпами, которые, как и стены, покрыты росписью. Когда леса будут убраны, это составит замечательное зрелище, но оно не нарушит той интимности, которая характерна для этого храма. Иконостас прост, но содержит несколько творений Андрея Рублева, величайшего мастера средневековой иконописи.

---

[1] Храм, который лэди Келли называет именем преп. Сергия, — самый древний из лаврских соборов, малый Троицкий, рядом с которым расположен большой пятиглавый «летний» Успенский собор. — Примечание редакции.

АМЕРИКАНСКИЕ АРХИЕРЕИ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ



Архиепископ Адам (слева) и епископ б. Сан-Францисский Антоний, окруженные иноками на галерее Трапезной церкви. Справа стоит наместник лавры архимандрит Иоанн. На заднем плане Успенский собор.

«Троица» — самая замечательная из его икон — была написана для этого храма. Теперь она в Третьяковской галлерее в Москве и на ее место в иконостасе вставлена современная копия. Все образа иконостаса написаны на бледном золотом фоне и отличаются проникновенностью и красотой, особенно Архангелы Михаил и Гавриил на втором ярусе Деисуса».

ПОСЕЩЕНИЕ ЛАВРЫ ПАСТОРОМ НИМЕЛЛЕРОМ

Известный во всем мире германский деятель пастор Мартин Нимеллер, президент Евангелической Лютеранской Церкви в Гессенской земле (штате) и ведающий внешними сношениями член Синода Лютеранской Церкви Германии, в начале текущего года посетил Святейшего Патриарха Алексия. Во время своего пребывания в Москве он совершил паломничество в Троице-Сергиеву лавру. Приводим описание этой поездки по «Журналу Московской Патриархии».

«В воротах обители приехавших встретил старец-архимандрит. Он повел гостя и его спутников в Трапезный храм, где в это время заканчивалась литургия. Осмотрев замечательный храм, все направились в патриаршии покои. Гостю очень понравился стиль внутренних помещений и домовой церкви Московского Патриарха в лавре. Из покоев проследовали в древний Троицкий собор — главную святыню обители. Пришли во время молебна, ежедневно совершаемого у мощей преподобного Сергия, прослушали молебен до конца и осмотрели собор. Исторические сведения о соборе были выслушаны с большим вниманием.

Гость видел серебряную раку с мощами преподобного Сергия, неугасимые лампады под серебряной сенью, древние иконы, запечатленные историческими воспоминаниями. С интересом пастор Нимеллер рассматривал сокровища монастырской ризницы, составленные из вкладов и приношений русских людей, любовь которых к обители была выражена самым совершенным искусством своего времени и в самых дорогих материалах.

В приделе преп. Никона гостя встретил наместник лавры архимандрит Иоанн. Он показал место упокоения ближайшего Сергиева ученика, построившего Троицкий собор, затем прошел с гостем в Серапионову палатку, на месте которой стояла, по преданию, келья основателя лавры, и рассказал о явлении преподобному Сергию и его ученику преп. Михею Божией Матери, обещавшей сохранить обитель.

Наместник лавры здесь же обратился к пастору Нимеллеру с краткой речью, в которой с сердечной радостью приветствовал его как достойного представителя Евангелической Лютеранской Церкви Германии, впервые в истории посетившего Троице-Сергиеву лавру, чтобы послужить общему делу укрепления братских взаимоотношений между немецким и русским народами. «Своим примером Вы учите нас, — сказал он, — как нужно забывать личные интересы и выгоды, когда общее благо требует от нас служения высшим целям процветания мира. И здесь, у святых мощей преподобного Сергия, этого пламенного молитвенника, вознесите свои молитвы и свои искренние братские чувства соедините с нашими, чтобы Вседержавный Господь благословил наши братские народы долговечным миром и благоденствием...».

Наместник лавры преподнес гостю Иверскую икону Божией Матери и шкатулку с художественно выполненными видами лавры, работы палехских мастеров. Растроганный таким вниманием, пастор Нимеллер сказал, что чрезвычайное волнение не позволяет ему выразить всей полноты своих переживаний. Но чувство робости говорит ему, что место, на котором он находится, есть место святое. Поэтому сердечную речь о. наместника и подарки он относит не к себе, а к христианам своей Церкви, которые будут чрезвычайно рады такому благословению лавры.

После этого о. наместник лавры показал гостю Святодуховскую церковь с могилами митрополита Московского Филарета и св. Максима Грека, затем — Успенский собор с его святынями и росписью. Пораженный одухотворенной красотой иконных и стенных изображений, пастор Нимеллер назвал их школой религиозного воспитания.

Из Успенского собора гость направился в здание Московской Духовной Академии. При входе гостя встретил инспектор Академии и Семинарии проф. Н. П. Доктусов и провел его в актовый зал, а затем показал аудитории, спальни, библиотеку и другие помещения. В профессорской между гостем и инспектором состоялась беседа, в которой пастор Нимеллер интересовался числом учащихся, их возрастом и некоторыми деталями учебно-воспитательного процесса. В книге почетных посетителей пастор Нимеллер оставил запись.

При выходе из Академии гости встретились с группой студентов, оставшихся в интернате на Рождественские каникулы. Приветствуя молодых людей, пастор сказал, что он переживает счастливый день в своей жизни, ибо находится в самом сердце русского Православия. Он счастлив быть в этом святом месте и потому, что здесь под благодатным покровом преподобного Сергия, воспитываются будущие пастыри Русской Православной Церкви.

После осмотра храма св. Михея наместник лавры пригласил гостя в патриаршии покои на обед. Перед отъездом из лавры пастор Нимеллер внимательно осмотрел роспись святых ворот на темы из жития преподобного Сергия».

ИЗ ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ О. БОРИСА СТАРКА

Прот. Борис Старк, сын известного адмирала, бывший долгие годы священником во Франции, получил от Святейшего Патриарха назначение в Костромскую епархию настоятелем кафедрального собора города Костромы. В начале минувшего лета он возвратился на родину и вступил в исполнение своих новых обязанностей. Ниже приводим извлечения из его письма о первых впечатлениях:

«Что же сказать о церковной жизни? Впечатлений так много, что не знаешь, с чего начать. Представь себе собор, вмещающий 6.000, а в праздники и до 8.000 молящихся. Приходят задолго до службы. Под праздники всенощная длится четыре с половиной часа. Всё без пропуска, на два клироса с канонархом. Многое поет вся церковь. По окончании службы проповедь. На литургии, вместо запричастного, еще специальный (неслужащий в тот день) проповедник. Когда кончается служба, начинается молебен, затем читается акафист, затем требы, а народ всё еще не удовлетворен. Когда меня спрашивают о заграничных церквах, и я говорю, что на всенощной многие расходятся после Евангелия, а на литургию приходят часто к малому входу, то мне не хотят верить. Замечательно с каким вниманием здесь слушают проповедь, и неизменно по окончании все говорят: «Спаси тя Христос!»

В церквах много мужчин, много молодежи и детей, как среди молящихся, так и среди причащающихся. Здесь выработалась такая практика: выносят два, три, и то и четыре чаши, и предстоящий причащает на амвоне небольшое количество причастников, главным образом детей, а другие священники идут в самую гущу народа к боковым приделам, которые глубоко выдвинуты вперед, и там причащают, часто даже по окончании службы, пока не причастят всех желающих. Причем на неделе исповедь стараются сделать индивидуальною, а по праздникам — общая, человек по 20-30. Такая же практика и в отношении треб: молебнов, отпеваний, крестин и бракосочетаний. Иначе никогда не справиться.

Посетил в будние дни и другие церкви, и всюду та же картина. Но наибольшее впечатление, конечно, произвел Загорск — Троице-Сергиева лавра, куда мы ездили третьего дня, на день св.св. Константина и Елены. Поехали, к несчастью несколько поздно — в 11 часов. Приехали в час. Дорога красивая; по дороге много сел и городков. Только в одном селе церковь закрыта, а во всех остальных церкви в хорошем виде и действующие.

Сама лавра оставляет впечатление незабываемое не только своими историческими и археологическими ценностями, но главное — напряженной силой своей святости. Нам повезло. Мы попали на день ангела о. ректора Академии и

Троице-Сергиева Лавра. В центре Святые врата; направо главы Успенского собора; за ними колокольня; слева купол Трапезной церкви.

Семинарии, прот. Константина Ружицкого. В актовом зале студенты в иерейском сане служили молебен. Пел хор студентов. Потом были речи, поздравления. Нас пригласили на трапезу. Потом мы осматривали коллекции крестов, книг и проч. в Академии, и помещения Академии и Семинарии. В первой сейчас — 50 человек, во второй — 150. Почти все молодежь, и какая!..

Осмотрели ризницу. Теперь это — музей. Иконы, облачения, ризы, утварь, пожертвования Иоанна Грозного, Василия, Бориса Годунова, князей Старицких, Шуйских. Экскурсовод — молодая знающая девушка с академическим значком, нам всё подробно рассказывала. Потом повела в музей 18-го века. Там хранятся покровы на гроб преп. Сергия всех времен. Там же риза серебяная позолоченная с Рублевской «Троицы», снятая с иконы в 1919 году.

Но, конечно, главное наше паломничество было в соборы. Троицкий — наиболее древний со святыми мощами. Он реставрируется, но службы в нем ежедневно совершаются, а после служб — акафист весь день. Перед святыми мощами вспоминал всех вас. Поставили порученные свечки. Затем осмотрели придел на месте явления Богоматери. Там мощи преп. Никона и десница св. Апостола Стефана. Затем — большой Успенский собор с гробницами митрополита Сергия (Ляпидевского), архиепископа Августина, митрополита Макария (Булгакова) и др. Потом церковь Св. Духа, маленькую церковь св. Михея с его мощами.

Изумительна 80-ти метровая колокольня и колоссальная Трапезная церковь в замечательном по архитектуре помещении. Академическая церковь еще не передана Патриархии, и поэтому всенощные служат в актовом зале, а литурию студенты стоят в большой Трапезной церкви. Патриаршии покои осмотреть не успели, не хватило времени. Трогателен старик схимник и совсем умилительны юные 18-летние послушники-монашёнки с длинными волосами, безусые, но важные и строгие в своих подрясниках и скуфейках.

Многое расспрашивали меня про парижское Сергиевское Подворье и удивлялись. В лавре сейчас проживает приехавший на учебную сессию и экзамены митрополит Варфоломей. Он хотя и стар, но держится. Но вот грустная весть: тяжело болен Владыка Сергий[2]. У него что-то в области урологии. Опасаются опухоли. Он сейчас в казаском госпитале».

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЕПИСКОПА ПРЯШЕВСКОГО АЛЕКСИЯ (ДЕХТЕРЕВА)

Читателям «Единой Церкви» — выходящего в Западном полушарии русского православного журнала — интересно будет ознакомиться с впечатлениями о великой лавре преподобного Сергия другого представителя зарубежного духовенства, бывшего настоятеля русского храма в г. Александрии (в Египте), ныне правящего архиерея Пряшевской епархии Чехословацкой Православной Церкви, Преосвященного епископа Алексия (Дехтерева). В очерке о Троицком-Сергиевой лавре епископ Алексий пишет:

«Предпраздничное настроение в этом году почувствовалось в лавре преподобного Сергия за несколько дней до Троицына дня. Паломники стали стекаться в лавру почти с самого Вознесения. Многие из них, не находя места в гостинице и частных домах, располагались вокруг лаврских храмов, на зеленой траве, и так проводили три, четыре ночи подряд. А с утра до вечера паломники пребывали большей частью в храмах за ранней и поздней литургией, за молебнами празднику и преп. Сергию.

В эти дни трудно было пробраться по монастырской территории, почти сплошь заполненной большими группами приезжих и длиннейшими очередями к раке Преподобного и к Живоносному источнику. Нередко по двору мелькала величественная фигура о. наместника, вникавшего во все подробности предпраздничных приготовлений. Провожая его глазами, многие паломники о чем-то вздыхали и погружались в молитвенную задумчивость. На старых и молодых лицах, бесконечно милых русскому сердцу, нельзя было заметить беспечных улыбок, громкая речь не нарушала строгого благовейного настроения.

Иначе и быть не могло, ибо по этой земле некогда хаживал Преподобный со своими трудниками, здесь он молился за всю нашу Русь, здесь принимал великого князя Димитрия Донского, положившего начало освобождения русской земли от татарского ига... Здесь и почил в Бозе Игумен всея Руси от праведных трудов своих, здесь был и прославлен. Да, в этой обители каждая пядь земли, каждый кирпич в поседевших стенах свидетельствуют о славной истории русского народа, о его многовековой духовной культуре. Все эти здания, храмы, палаты и величественная колокольня, легко уходящая в голубую высь, преодолели столетия, чтобы и в нынешнее время звать под свои намоленные своды нескончаемый поток верующих в небесную славу Преподобного и его особое о нас попечение.

В четверг перед Пятидесятницей лавра превратилась в настоящий людской муравейник. В этот день главным предметом всеобщего внимания стал храм Святого Духа, только что капитально от-

---

[2] Архиепископ Сергий (Королев), бывший викарий Варшавской епархии, епископ Бельский, впоследствии викарий митрополита Евлогия и епископ Пражский, затем (после второй мировой войны) архиепископ Венский, теперь архиепископ Казанский и Чистопольский.

Рака с мощами преп. Сергия Радонежского в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры.

ремонтированный. Его освящение должно было состояться на следующий день, а накануне, в ожидании приезда Святейшего Патриарха, спешили снять с храма остатки лесов. Надо было все закончить к сроку, чтобы порадовать красотою этого храма Святейшего настоятеля лавры. Неоднократно пробегал по двору озабоченный ризничий, на долю которого выпал нелегкий труд привести в праздничный вид семь лаврских храмов, а также приготовить немалое число облачений для служащего духовенства.

На следующий день, в пятницу, все лаврское духовенство собралось в Троицкий собор, чтобы оттуда в облачениях последовать к патриаршим покоям для встречи Святейшего Владыки. Вот начался трезвон, возвестивший выход Святейшего Патриарха из покоев в Троицкий собор, где он облачится в священные ризы и откуда понесет святые мощи в новоосвящаемый храм. Народу собралось уже так много, что длинная цепь студентов Академии и семинарии с трудом сдерживала толпу, желавшую непременно проникнуть в храм. Наконец, торжественная процессия, двинувшись из Троицкого собора, вошла в храм Святого Духа, и чин освящения начался.

Святейший Патриарх и сослужащее ему духовенство надели поверх облачений так называемые «запоны» — особый вид фартуков — и приступили к заливанию воскомастихом отверстий в четырех столбах, укрепленных в земле, тех отверстий, в которые войдут гвозди, прикрепляющие верхнюю доску святого престола. Затем на столбы была наложена доска, и священнослужители, вложив в отверстия гвозди, забили их четырьмя камнями. После этого престол был обмыт розовой водой, помазан миром и облачен вместе с жертвенником.

По окончании освящения началась Божественная литургия, после которой над могилой Преосвященных митрополитов Филарета и Иннокентия Московских, почивающих внутри храма, была совершена краткая лития с провозглашением им вечной памяти. Так закончилось освящение Свято-Духовского храма на территории лавры — седьмого по счету.

Простые, строгие формы этого храма, увенчанного резным золоченным крестом над темносиней главой, усеянной золотыми звездами, радовали взор, пробуждая исторические воспоминания. В начале XV-го века на это место преподобный Никон перенес деревянную церковь во имя Святой Троицы, стоявшую там, где теперь Троицкий собор. Пока собор строили, мощи преподобного Сергия находились в деревянной церкви. Затем, в 1476 году, вместо деревянной, была построена каменная (кирпичная) церковь, а в 1554 году, по желанию Ивана Грозного, воздвигнут новый храм, который и красуется сейчас среди зелени. У его северной стены почивают мощи преп. Максима Грека. Внутри — могилы двух московских святителей, которых только что молитвенно вспоминали. А сколько знаменитых и простых людей покоится вокруг храма в могилах, уже изглаженных временем! Завтра, в родительскую субботу, живущие помянут в своих молитвах всех усопших праотцев здесь лежащих и повсюду...

А в шесть часов вечера началась торжественная всенощная. Святейший Патриарх и епископы вышли на литию в святительских мантиях и встали на кафедре, от которой до самого амвона выстоилось все остальное духовенство. Яркий блеск огромных паникадил сливался с вечерним, предзакатным светом, лившимся из высоких узких окон. Лики святых были тронуты как бы небесным сиянием и строго внимали древним пенсопениям и молитвословиям. Невольно думалось, что вот так же молились в этот вечер и в далеком прошлом, когда на месте Святейшего Партираха, стояли московские святители, Патриархи, окруженные, как и теперь, тесной толпой молящихся. Как и в те времена, всенощная затянулась на несколько часов, хотя время протекло незаметно».

ТОРЖЕСТВА В СЕРГИЕВ ДЕНЬ

Священник о. Н. Радковский так описывает торжества в обители преподобного Сергия в день празднования обретения его мощей, 5/18 июля 1952 года:

«Несмотря на перепадавшие периодически грозовые дожди, большие народные толпы собираются в обитель преподобного Сергия к церковным торжествам в память обретения святых его мощей.

Еще задолго до великой вечерни, все скамеечки и церковные крылечки заняты паломниками.

Приятно полюбоваться на большой цветник у подножия Трапезной церкви, позади церковки во имя преп. Михея.

В 3 часа дня у мощей преп. Сергия в Троицком соборе великую вечерню с акафистом преподобному, совершил Святейший Патриарх Алексий с монашествующей братией.

Жаркая июльская хорошая погода изредка нарушается дождем. Но через 10-15 минут горячее солнце все высушит, и тогда еще приветнее и ласковее заблестит древесная листва и новенькие зеленые крыши храмов, здания Духовной Академии и монастырских братских корпусов.

А как приятно отдохнуть издалека прибывшему паломнику — под благоухающей сенью этого святого гостеприимного места, когда доносится запах скошенной, постепенно увядающей травы, тонкий аромат цветущего клевера, запах полей, опоясывающих монастырь, и сладких духов расцветающих лип, на вершинах которых все дни непрерывно жужжат неутомимые работники — пчелки.

Сама природа как бы подготовляет душу паломника к восприятию предстоящих церковных торжеств в память обретения св. мощей преп. Сергия.

В 5 час. 30 мин. зазвонили ко всенощной и через 15 минут из дверей Успенского собора потянулись две блестящие ленты красочных облачений собравшегося на прадник многочисленного духовенства и монашествующих: это торжественная процессия идет через галерею к покоям Патриарха для встречи своего верховного священноархимандрита*.

В 6 час. раздается торжественный трезвон, и та же блестящая процессия очень медленно движется обратно к собору, замыкаемая Святейшим Патриархом.

Патриаршие покои в Троице-Сергиевой Лавре.

Продолжительная всенощная проходит при строго-церковном пении лаврского хора, исполняющего песнопения киевским распевом На литию, во главе монашествующей братии, выходит митрополит Ленинградский Григорий. Уставной синаксарь, то-есть житие преп. Сергия, читает на кафедре Святейший Патриарх. На полиелей со Святейшим Патриархом выходят из алтаря: митрополит Ленинградский Григорий. архиепископ Казанкий и Чистопольский Сергий, архиепископ Берлинский и Германский Борис, наместник Лавры архимандрит Иоанн и другие священнолужители, с архидиаконами Г. К. Антоненко и С. П. Туриковым.

Всенощная кончается в половине 11 часа ночи. Прохладная темная ночь сменяет душный грозовый день, дышится легко и свободно. Многочисленные паломники, потрапезовав, чем Бог послал, сплошь заполняют всю Трапезную церковь, все храмовые обширные крыльца и размещаются на асфальтовых дорожках, на всех лавочках и на траве под сенью деревьев.

Всю ночь в Трапезной церкви паломники усердно молятся, и до 4 часов утра раздаются там напевы акафистов многим святым. С 4 часов утра начинаются ранние литургии во всех лаврских храмах. И везде полно, до отказа, богомольцев. У раки же преп. Сергия с 5 час. утра весь день одни священнолужители сменяют других в служении молебнов и пении акафистов.

В 9 час. 30 мин. утра лаврский благовестник с высокой колокольни призывает людские потоки ко встрече Святейшего Патриарха и началу поздней литургии. Многочисленное духовенство выходит из Успенского собора навстречу Святейшего Патриарха. Обратно торжественная процесия медленно под колокольный трезвон проходит среди плотной стены богомольцев.

---

* По древнему обычаю Патриархи Московские являются священно-архимандритами Троице-Сергиевской Лавры. Фактическим игуменом состоит наместник (патриарший) лавры, в настоящее время — о. архимандрит Иоанн. В России Патриарх поминается на богослужениях следующим полным титулом: «Великий Господин и Святейший Отец наш (имя рек), Патриарх Московский и всея Руси, Святыя Троицкия Сергиевы Лавры Священноархимандрит».

Позднюю литургию Святейший Патриарх совершает в сослужении Высокопреосвященного Николая, митрополита Крутицкого и Коломенского, иерархов, совершавших всенощное бдение накануне, протопресвитера Н. Ф. Колчицкого, наместника лавры архимандрита Иоанна. Величественно блестит своей матовой позолотой строгий иконостас Успенского собора, проникновенно-вдумчиво смотрят огромные, в рост человека, изображения патриархов, апостолов, праздников, обрамленные золотыми столбами, обвитыми виноградными лозами с кистями плодов. Богомолец, проникаясь молитвенным пением, отрывается от своих будней, от скорбей, неудач и иногда тяжких и горьких переживаний в своих семьях...

Святейший Патриарх совершает рукоположение иподиакона монаха лавры Пахомия во диакона. Вместе с духовенством в алтаре причастился Св. Тайн прибывший из Америки старец — епископ б. Сан-Францисский и Калифорнийский Антоний, не принимавший участия в богослужении.

Перед молебном Святейший Патриарх сказал краткое задушевное слово. Он отметил, что молитвы за нас преподобного Сергия помогают каждому в его жизненных делах и испытаниях, окрыляют скорбных и помогают всем нам в здешней жизни в несении каждым возложенного на него Господом креста. Молитвы преподобного Сергия, — говорил Патриарх, — не только облегчают нам тяжесть нашего земного пути, делают более легким наш переход отсюда в загробный мир, но и совершившим этот переход, усопшим, дают мир и успокоение. Святитель закончил свою речь словами: «Мы веруем и уповаем, что преподобный Сергий всегда поможет каждому из нас, обращающемуся к его помощи с любовью и верою».

На молебне у образа преподобного Сергия, после чтения Евангелия, длинная блестящая процессия иерархов и другого многочисленного духовенства, во главе со Святейшим Патриархом, направились в Троицкий собор к св. мощам преп. Сергия для его прославления. У святой раки Святейший Патриарх прочел молитву и было произнесено многолетие. При пении величания, вслед за Святейшим Патриархом, к открытым в этот день мощам преп. Сергия приложилось все духовенство.

Из собора Святейший Патриарх с иерархами прошел в свои покои, а к мощам создалась очередь паломников. Многие из дальних богомольцев остались еще помолиться в обители. До вечера переполненные поезда увозили из Загорска в Москву радостных богомольцев».

ХРОНИКА ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

СОВЕЩАНИЕ ВЫСШИХ ИЕРАРХОВ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ГЕРМАНИИ СО СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ

Из Берлина сообщают, что доктор Дибелиус, епископ Берлинский, председатель епископского Синода Германской Лютеранской Евангелической Церкви, принял приглашение Святейшего Патриарха посетить его в конце ноября. Епископ Дибелиус принял это решение по обсуждении приглашения Русской Православной Церкви с епископатом и поместными президентами Лютеранской Евангелической Церкви. Епископа в его путешествии в Москву будут сопровождать другие видные представители германского лютеранского духовенства.

Такой визит высших иерархов Лютеранской Церкви к православному Патриарху будет иметь место впервые в истории взаимоотношений между православными и протестантскими Церквами. В религиозных кругах Германии предстоящей поездке д-ра Дибелиуса придают большое значение.

Из Дрездена сообщают, что д-р Ган, епископ Дрезденский, председатель Лютеранского Евангелического Синода Саксонии, будет сопровождать доктора Гибелиуса, епископа Берлинского в его поездке к Святейшему Патриарху Алексию в Москву.

Из Берлина сообщают, что Экзарх Московской Патриархии в Западной Европе, Архиепископ Берлинский и Германский Борис принял в каноническое и молитвенное общение Православной Церкви римско-католического священника Генриха де Лооф в сане иерея с наречением ему православного имени Григория.

Из Парижа сообщают, что в ближайшее время будет совершена хиротония во епископа архимандрита Николая (Еременко), члена экзаршего совета во Франции, с назначением его викарием экзарха Московской Патриархии в Западной Европе архиепископа Берлинского и Германского Бориса.

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ КРУЖОК В НЬЮ-ИОРКЕ

В 1952-1953-ем году Духовно-просветительный кружок при Св. Николаевском Соборе в Нью-Йорке начал свою деятельность, как обычно, после «Labor Day», в четверг 11 сентября.

В 8 ч. вечера настоятель Св. Николаевского Собора протоиерей о. Иосиф Дзвончик отслужил молебен, после которого в большом зале состоялся доклад Высокопреосв. Вл. Адама, незадолго до этого возвратившегося из Москвы, куда он ездил с докладом о делах русской православной церкви в Америке по вызову

Святейшего Патриарха. На докладе присутствовало 72 человека. Доклад был прослушан с большим вниманием; по окончании доклада Вл. Адам отвечал на вопросы. Во время чая были показаны весьма интересные фотоснимки.

В этот день Духовно-просветительный кружок вступил в четвертый год своего существования.

2-го октября Лекционный комитет кружка собрался для решения своих внутренних вопросов. На этом собрании председатель вышеупомянутого комитета В. Е. Погорельский кратко передал содержание статьи, появившейся в одном из бельгийских журналов под заглавием: «De la Renaissance italienne au Kremlin». Статья эта принадлежит перу русского — А. А. Олерова и посвящена биографии преподобного МАКСИМА ГРЕКА — в миру Михаила Триволиса. (А. А. Олеров уже много лет работает над биографией преподобного).

В четверг 30-го октября состоялся доклад о. Иоанна Леварт-Левинского на тему «НАУКА И РЕЛИГИЯ».

В прошлом году деятельность кружка закончилась молебном 20-го июля после всенощной, в канун праздника Казанской иконы Божьей Матери.

Вот уже третий год подряд кружок заканчивает свой «учебный год» именно в этот день, а начинает его в сентябре месяце, вскоре после «Labor Day».

Таким образом летние каникулы для членов кружка продолжаются всего лишь 1-½ месяца.

В 1951-52-ом году у Кружка было 13 собраний. Последнее состоялось, как указано выше, 20 июля. В этот вечер после молебна в храме, в архиерейских покоях, вернувшийся из Европы В. Е. Погорельский рассказал о жизни Патриарших приходов во Франции и в Бельгии.

НАГРАЖДЕНИЕ В. Е. ПОГОРЕЛЬСКОГО

В. Е. Погорельский, председатель Духовно-просветительного кружка при Св. Николаевском кафедральном соборе в Нью-Иорке, награжден Патриаршей грамотой за труды на пользу Церкви.

В БАЙОНСКОМ ПРИХОДЕ

(Впечатления посетительницы)

Хочу поделиться впечатлением, которое осталось у меня, после посещения патриаршего прихода в Байоне (Нью-Джерзей). В начале июля одна из сестер Св. Николаевского Собора в Нью-Иорке, миссис Храпко просила нас, нескольких сестер, прийти на обедню, а после на кладбище в Байон где похоронен ее сын. Я никогда не была в Байонском приходе раньше и, когда мы приехали, первое, что я увидела это небольшой храм, который стоит на возвышенном месте в зелени. С одной стороны храма — цветы и деревья, а с другой — большая зеленая площадка со скамейками и оборудованием для игры в баскет бол. Когда мы вошли внутрь (храм помещается на втором этаже), нам бросилась в глаза особенная чистота, порядок и уют. Лестница покрыта ковром, который заглушает шаги, так что входящие не мешают молящимся. Храм выкрашен в голубой цвет, окна все покрашены под небесный свод. Какая бы погода не была, в храме всегда, как будто светит солнце. Молодой батюшка о. Василий Кречек совершал литургию на славянском языке и только некоторые молитвы читал по английски. Прислуживали батюшке 5 мальчиков, которые очевидно прекрасно знают службу. Пел хор. В это воскресение причащались дети школьного возраста. Их было 17 человек, все они стояли впереди и старшая руководила ими. После причастия о. Василий каждого благословил возложением чаши со св. Дарами на их головы. После обедни освящали ризы и опять мальчики и хор помогали о. Василию. Когда кончилось освящение, батюшка попросил всех, кто может, остаться на панихиду по сыне миссис Храпко. Он сказал слово о том, как эта женщина, когда приехала из России была прихожанкой Байонского храма. Панихиду служили полностью, без сокращений и невольно вспомнилась Родина, где всегда так служили. На кладбище (куда мы поехали после службы, некоторые на автомобиле о. Василия, который любезно предложил свою машину) служили литию, хора уже не было, но регент помогал батюшке. На кладбище, а после еще раз за завтраком, я поблагодарила отца Василия за его пастырское усердие и он рассказал мне о жизни прихода. В приходе есть воскресная школа, где 25 человек учатся Закону Божьему, есть и школа русского языка, в которой учатся 17 учеников. И Закон Божий и русский язык преподает сам о. Василий. Говорит он хорошим русским языком. На мой вопрос, где он рожден, батюшка засмеялся и ответил: «Да в майнах в Пенсильвании». Был он в армии солдатом во вторую мировую войну и вот шестой год, как священствует в Байоне. Честь и слава такому батюшке. В разговоре он очень хорошо отзывался о прихожанах и особенно хвалил церковный комитет, который во всем ему помогает. Много значит пастырь, который объединяет и с любовью руководит своей паствой. Вот и храм прекрасный и жизнь церковная идет хорошо и правильно.

Я слышала, что и другой наш молодой батюшка, о. Федор Ковальчук, хорошо ведет свою пасторскую работу, привлекая в церковь молодежь и детей. Думаю, что есть и еще много священников под омофором Святейшего Патриарха, которые поистине заслуживают любви и уважения. Дай Бог им счастья за их труды на Христовой ниве.

Анна Торп

КОНЧИНА Е. И. РЕПИЧ

13-го октября в г. Кливленде скончалась мать матушки Дзвончик, Елизавета Иосифовна Репич. Покойной было 78 лет. Она оставила большое семейство: 6 сыновей, 5 дочерей, 17 внуков и 15 правнуков. Е. И. Репич — вдова известного церковного деятеля Американской Руси, Ивана Репича (скончавшегося в 1946 г.), с именем которого связано основание Вилкесбаррского православного прихода в период архиерейства архиепископа Николая. Она родилась в 1874 г. в Мукачеве, столице Подкарпатской Руси, вышла замуж 16-ти лет и в начале девяностых гг. приехала с мужем в Америку. Семья Репич пользовалась заслуженным уважением всех ее знавших. Похороны Елизаветы Иосифовны имели место 16-го октября в Кливленде при огромном стечении народа.

В ПРОТЕСТАНТСКОМ МИРЕ

(Обзор печати)

Разделение Церквей по признаку расы!

«Экуменикал Пресс Сервис» сообщает о годичной сессии Федерального Миссионерского Совета Объединенных Голландских Реформатских Церквей Южной Африки. (Эти Объединенные Церкви состоят из 600.000 европейцев, то-есть буров-голландцев и 150.000 «неевропейцев», то-есть туземных негров). Совет вынес предложенное доктором Г. Б. А. Гардинером постановление подтвердить пожелание, принятое Блюмфаунтенской конференцией 1950 г. по расовому вопросу, а именно что в отношении «расовых дел» в Южной Африке *лишь политика полного территориального разделения была бы единственно оправданной*. По мнению Совета, для проведения такой политики разделения в жизнь потребовалось бы от 50 до 100 лет. Тем временем многочисленные «неевропейцы» могут быть допущены к работе и проживанию в «европейских районах». Тем не менее, на сессии Совета подчеркивалось, что «идеал (!) полного территориального разделения в различных провинциях является единственной линией поведения, могущей в конечном счете обеспечить неограниченное самоопределение».

Достойно удивления уже и то, что «идеал» расового разделения может быть объектом *столетнего* плана. Еще удивительнее, однако, что подобный «идеал» и подобный «план» выдвигаются религиозным учреждением, именующим себя... *христианским*.

Почин в деле преодоления расового разделения христиан

«Релиджес Ньюз Сервис» сообщает о трудах 12-го всеамериканского собора Лютеранской Церкви С. Ш. А. Собор, заседавший в октябре в городе Уэверли (в штате Айова), вынес постановление вернуться к традиционной «лютеранской терминологии», которая соответствовала бы всегда бывшему в силе принципу равенства всех перед Богом «*без разделения на национальные, расовые или экономические разряды*». Впредь приходские и миссионерские общины, работающие в негритянской и мексиканской среде, будут опускать употреблявшиеся до сих пор «расовые» обозначения. Они будут отныне именоваться просто по местонахождению, городу, названию общины или, в отдельных случаях, по имени пастора, являющегося их настоятелем или духовным руководителем.

Как видим, — направление прямо противоположное тому, которого все еще придерживаются протестанты в Южной Африке. Многим из американских протестантских сект следовало бы последовать примеру лютеран, духовная жизнь которых в послевоенные годы являет в разных областях пример глубокой духовной переоценки и возвращения к подлинно христианским ценностям.

Об опасности «буржуазности» в христианстве

Заслуживает внимания эволюция французского протестантства. Протестанты Франции — потомки гугенотов — принадлежат главным образом к зажиточным и часто весьма состоятельным социальным группам. Они, по традиции, консервативны, умеренны и осторожны в высказываниях. Они держатся типично «буржуазного» образа мыслей. Тем интереснее и знаменательнее выводы, к которым приходит наиболее влиятельный орган протестантов Франции еженедельник «Реформ».

Говоря о новом облике послевоенных «средних классов» Запада, «Реформ» отмечает, что нынешняя мелкая буржуазия утратила буржуазный пафос, «уже далека от наступательных стремлений и поглощена прежде всего самой собой. Она сохраняет склонность и уважение к устойчивому правопорядку, но все более смешивает его со стремлением к собственному эгоистическому благополучию и обеспеченности».

«С духовной точки зрения», — продолжает протестантская газета, — «не следует обольщаться мнимо-положительными сторонами такого подхода. Рычагом в жизнедеятельности буржуа является его вера в человека, в силу и разум человека. То, что составляет его нравственные принципы: мистика практицизма и эффективности, его пристрастие к прочному социальному костяку — эти черты его в большей или меньшей степени определяют его *сопротивление тому, что проповедует Евангелие*». Стремление к личному благополучию ведет не только к нежеланию считаться с такими понятиями, как «благодать», «грех», но и просто к *отталкиванию* от этих понятий. «Более или менее бессознательно буржуа считает, что ему полагается играть известную роль в человеческом обществе, что ему Богом поручена миссия, но что *Богу незачем постоянно напоминать ему о Себе*, что Он может предоставить ему действовать по своему усмотрению».

«Проникновение этого умонастроения в наши Церкви надо признать опасным. И не только потому, что оно грозит придать социологическим формам, то-есть известной системе социальных отношений какую-то религиозную ценность (соблазн, перед которым стоят наши церковные общины и приходы — связать христианскую веру с западным, именно буржуазным образом жизни)». Дело не только в этом, заключает «Реформ», а в том, что «*само христианское Благовестие потеряло бы свой смысл*».

«Тупики» на путях к объединению человеческим произволением

«Аутлук», орган Национального Совета Христианских Церквей С. Ш. А. печатает обзор международного совещания о «Вере и Порядке», созванного минувшим летом протестантскими религиозными группами разных стран в гор. Лунде, в Швеции, за подписью генерального секретаря Н. С. Х. Ц. д-ра Самуэля Каверта. Обзор этот, озаглавленный «Христиане в разделившемся мире», отмечает *два тупика,* в которые зашли прения совещания. *Первым тупиком* оказалась невозможность найти общий язык по вопросу об *апостольском преемстве* (то-есть о преемственной передаче благодати Святого Духа при рукоположении), сохраняемом через епископат. Как известно, в протестантских сектах апостольскому преемству часто не придается значения. *Второй тупик* был неизбежным последствием первого. Это была невозможность достичь *евхаристического общения.* Опять таки некоторые протестантские секты не признают таинства Евхаристии, то-есть не считают св. Причастие таинством, а другие вообще не приемлют Причастия. Эти последние не возражали бы против участия в чисто символических трапезах в воспоминание Тайной Вечери, но такой подход к св. Дарам для исповедующих таинство Евхаристии был бы *кощунством.* Наконец, самый вопрос о причащении верующих св. Дарами возвращает к первому вопросу о совершении Божественной литургии священнослужителями рукоположенными епископами, то-есть к вопросу об апостольском преемстве.

Лундское совещание способствовало выяснению — еще раз — того, в чем различные ветви протестантства *расходятся,* скорее чем того, в чем они *сходятся.* Это лишь оттеняет — опять-таки: еще раз — основные затруднения, на которые наталкивается так называемое экуменическое движение и его центральный орган Всемирный Совет Церквей. Затруднения эти заключаются в том, что далеко не все христиане уясняют себе *самую природу Церкви, как мистического Тела Христова,* что большое число «сторонников» христианства не сознают себя членами Церкви, что многие из них отвергают сакраментальный характер Церкви — ее святость и ее апостольскую соборность. А это, разумеется, заводит все совещания и переговоры об единстве в тупик. Пессимизм, который заметен в протестантских кругах через 4 года после Амстердамского-экуменического съезда и образования Всемирного Совета Церквей, лишь подтверждает правоту совещания Автокефальных Православных Церквей 1948 года, признавшего, что «современное нам экуменическое движение не обеспечивает дела воссоединения Церквей *благодатными* путями и средствами».

Nativity of Christ Church

Youngstown, Ohio

The beginning of a widespread educational program at Nativity Church is taking shape. During the Great Fast, Feodor (Kovalchuk) conducted a series of lectures for adults and youngsters on Sunday evenings. This series became popular and several more lectures were held after Pascha.

On Monday, June 23, 1952, after a *Te Deum* the first Summer session of the church school opened. During the four weeks that followed, daily attendance was well marked despite the fact that a great number of the students had to travel ten of more miles to school. The classes were from 10 AM to 1 PM each day, five days a week. Catechism, Russian and church music were the three courses taught by the pastor. Keen interest in religious education was shown and a majority of those attending two adults also attended) excelled in the work. Final examinations were given July 17. On July 18 after classes were dismissed, the students, parents and some of the potential students participated in an outing at Harding Park, Hubbard (Ohio) until late in the evening. On Saturday, July 19, Divine Liturgy was celebrated and each of the students made his Holy Communion. The responses to the Liturgy were sung by the Church School in English under the direction of Olga Cundik, a 14 year old student of the School, who was assisted by Matushka Anna Kovalchuk.

On Sunday, July 20, another important event took place at Nativity Church. Perhaps for the first time in the history of Orthodoxy in the Ohio valley an Orthodox Catholic Liturgy was heard entirely in the English language. The Church School made up the choir. Despite the heat wave the church was filled with an overflow crowd. At the conclusion of the Liturgy Father Feodor offered the Thanksgiving prayers for the student body. Each of the students was blessed ang given a prayer book. The outstanding individual accomplishments were announced and token awards given.

The Church School in now the Junior Choir which rehearses on Wednesday evenings and is also part of the regular church choir—using both English and Church Slavonic. It is hoped that in the near future at least a monthly English Liturgy will be inagurated.

A Young Peoples Club has been organized at the church and while it is in the formative stage, Mr. Vladimir Maksimoff is the president, Olga Eodchik, secretary, and Antony Shepelevich, treasurer. While neither the goals nor the constitution have as yet been definitely determined, one of the goals will be to foster and promote religious education in the parish from the cradle to adulthood. A monetary donation by this group has been given to the church school to continue the progress of the educational program.

"Condemnation of Sophiology"

(concluded)

III. On Redemption

The essence of the doctrine of Redemption may be briefly expressed: The Lord Jesus Christ offered by His Sufferings to God the Father a certain price, which superabundantly compensated the requirements of Divine Justice for the Fall; He offered the "equivalent" (Bulgakov's word) of punishment for the Sin.

But is it possible to allow the notion that Divine Justice is capable of compromising with sin in itself, i.e, with evil, so long as something equal be received for it? Further: If the whole matter is in an equivalent, and such is received and even in superabundance, why does eternal suffering remain for the unrepentant sinners?

This means that Divine Justice is satisfied only when a sinner repents, i.e., when he stops being a sinner. Hence the redemptory power of Christ's sufferings may be sought in this, that by them He expelled sin from mankind's essence and made it free from subjection to God's Wrath. But if the matter be in the renewal of mankind's essence, why then were Christ's Sufferings on the Cross required for this, even though the Almighty could have chosen another less ignominious means?

Revealed teaching explains this by means of the historical or factual conditions under which redemption was to have been accomplished. Having come into the world, the Redeemer found here the "power of darkness," a kingdom, headed by "the prince of this world" with his servants—the people. Redemption took on the concrete form of delivering the people "from the works of the enemy" (enslavement to the enemy), from which besides the adversary certainly is doing everything he can to prevent this deliverance. The Creator could destroy this kingdom "with the breath of His mouth," but He remains true to the self-restraint with which He deigned to bind Himself in the creation of free creatures. He accepted the conditions of life in the world just as they had come to be as the result of the misuse of their freedom on the part of the devil and the people. He, the Lord of all, precisely, in order not to be above the existing conditions of life, but to be subject to them, took on "the semblance of a servant" and in His earthly life called Himself not otherwise than "the Son of Man," thereby reserving for the devil the possibility and freedom of action against Himself. The devil however, achieving no success through the temptation, "sought to kill Him through his children" (John 8:40-41), until he drove Him to a humiliating Death on the Cross, in order to make Him cursed in the eyes of the people and thus preserve his own power.

The Suffering and Death on the Cross were thus dependent on the existing conditions of life in the world to which the Lord, for the sake of the salvation of the people, willingly subjected Himself. This is "self-abasement"—emptying Himself (Phil. 2:7) a genuine "kenosis" of the Son of God.

If you will, the work of the Redeemer begins with the very first moments of His earthly life and even from eternity itself (This is why the Lord Jesus Christ is called "the Lamb sacrificed from the creation of the world"). But the most important and most complete act of this undertaking was undoubtedly the Death on the Cross. Having carried only the obedience of a servant which He assumed until death, the Man Jesus "fulfilled all truth" put to man by the Creator after the Fall. Just as all people who through bodily death (i.e. with the separation of soul from the body) break with the Earth and descend into corruption in order to await with the souls of the righteous "the new heaven and earth" (2 Peter 3:13) with their new conditions of life, so the Man Jesus, freed Himself only through the Death of the Body from the temporal world and its satanic kingdom, etc., in order that, as the Author of Life, for Whom "it was not possible to be holden of corruption" (Liturgy of St. Basil), He became the origin of the Resurrection for renovated mankind. Only as one dead, having descended with His Soul into hades, Jesus broke on Himself the bonds of the power of the Devil, and was able to proclaim: "Go forth ye faithful unto the Resurrection" (Oktoechos). Thus the Death (or the Blood of Christ) is preeminently that ransom which gave us freedom from slavery to the Devil; and because it was voluntary, it was on the part of the Godman a redemptory sacrifice for the salvation of men.

For whom was this sacrifice offered? Not for the Devil (as some declared in the Patristic Church), because the Devil did not establish the law which condemned evil to a "second death" and affirmed eternal life for good. The Devil merely utilized this law in order to rule over sinners. The Sacrifice in Golgotha was offered to the Lawgiver God the Father, Who sent the Son into the world, or, more precisely, to the eternal Divine Justice in so far as the Father also sacrificed His Son for the satisfaction of that Justice.

In His undertaking as Redeemer, the Lord did not by any means act in the role of some kind of spiritual head of all creation nor even in the capacity of a leader of all mankind ("the semblance of a servant" would not conform with this) so that the fruits of His undertaking might be distributed in any way mechanically or even in a formally juridical manner over the whole world and over all people. He was merely the "New or Second Adam," progenitor of the new

humanity. He redeemed and deified first of all, His own personal "reception," in order to lay the foundation of a new generation "of Christ's" (1 Cor. 15'3). Therefore only those who are reborn through the Spirit into the new humanity and become one in all things with Christ can make use of the fruits of His Work. Only for such is the "unattainable joy accessible" because only with them "God was reconciled" (Kanon of Theophany).

If Bulgakov does not consider the Fall as the sole reason for the Incarnation of the Logos, if these causes are established, so to speak, in the "depths of the Divinity," then the redemption of fallen man also can only be a kind of addition to the Incarnation. "We should," Bulgakov says, "accept the 'kenosis' of Divine Incarnation in all the terrible seriousness of that act, as a metaphysical Golgotha of the self-crucified Logos in time, which simply had as its result the historical Golgotha, making it possible and real." Taken together with the endurances borne by the Divine Logos at the Incarnation (even at that time He was to bear the burden of the world—not only of a limited creaturely one, but one already infected by sin), His Sufferings on historical Golgotha were neither new for the Logos nor the most difficult.

The person of the author of evil, the Devil, which is generally unclear in Bulgakov's system, remains obscure in the Redemption. The struggle between good and evil, presented by the Church as the struggle of the Redeemer with the person of the Devil, is transferred by Bulgakov from the objective sphere to the inner world of the Redeemer, becomes His struggle with Himself; for example, the conflict of compassionate love, urging great deeds and absolute holiness, terrified by the prospect of taking on sin, etc. Of course, all such descriptions of the inner trials of the Godman, even with psychological depth and content, do not go beyond conjecture from the little understood to the incomprehensible, i.e., again only present imagination and not revealed truth.

Among other things, in attempting to reveal the the psychological content of the "Cup of Gethsemane," Bulgakov paints an imaginary picture of a new conference of the All-holy Trinity, similar to the one at the creation of man. Here willingly or unwillingly a thought comes to mind, vaguely contained in other parts of Bulgakov's system: not man alone answers for the Fall but also the Creator Himself, who created him thusly and not otherwise. "It is as if God in the Holy Trinity again speaks in divine council regarding man: having created man, *inconstant by his creatureness* and presently fallen, let us re-create him, having taken upon Ourselves the satisfaction of Justice. And this justice is in that the Author of man's existence accepts upon Himself *the consequences of His act of Creation*. Together with the Son of God . . . the whole of the Holy Trinity suffers because of sin; the Father, as the righteous Judge, judging His Son, and in Him He judges Himself also, *as the Creator of the world* . . ." We emphasize those places where namely the creatureness of man as the cause of his Fall, and where the imperfection of his nature given to him by the Creator is stressed. From this it would seem, is drawn the conclusion that for man, placed under such conditions by the Creator, it was almost impossible not to fall. But does not Adam also say as much: "The woman whom thou gavest to be with me, she gave me of the tree, and I did eat" (Gen. 3:12). The Church, however, in Adam's attempt to make God also a participant in the Fall, sees the sign of an already perverted conscience in man brought about by sin.

According to Bulgakov, the Godman endures two deaths for the accomplishment of the Redemption: Spiritual and physical. Since the Divine Logos Himself occupied the place of man's spirit in the Godman, then spiritual death for Him, was "Divine," being a kind of rupture on the part of the Son with the Holy Trinity, His "Divine relinquishment." "The New sinless Adam equates Himself with the sinful ancient Adam through His compassionate love." "The Beloved Only-begotten Son took the sin upon Himself; with it and in it He took on Himself the wrath of God toward sin, the enmity of God, and in it seemingly separated from the Father." Inasmuch as this "Divine Death" happened in the night of Gethsemane, when Christ "suffered and lived through all the sins of the whole of mankind of every man, committed in the present, the past and the future," and through which "Divine Justice was given satisfaction, a 'ransom' ('the equivalent of torments in hades') was offered, the reconciliation was accomplished." and so it is natural that Gethsemane occupies the first plane and almost overshadows Golgotha. A merely bodily death is the lot of Golgotha, the Death of the Human Nature of the Godman (without the Spirit), as an act of completion to the spiritual Death of Gethsemane.

This substitution of Golgotha, traditional in the Church, by Gethsemane again cannot but be considered arbitrary and ill-founded. The whole of Gospel history, one may say, leads, as to its focal point, to the Death on the Cross and to the subsequent Resurrection. At the Last Supper, parting with His disciples, the Lord clearly said that "torments" await Him (Luke 22:15), that the time to go had arrived because "the prince of this world cometh" (John 14:30). Finally, the very institution of the Sarcament of the Body and Blood is namely "in remembrance of bodily death" (1 Cor. 11:6). Whence then is the "offence of the cross" (Gal. 5:11) in all the apostolic preaching? Whence such a wide spread Faith in the power of the Cross and in the Sign of the Cross within the Church, given "to us as a weapon against the Devil, who quakes and trembles, being unable to withstand seeing its power" (Oktoechos)?

Essentially speaking, for any suffering or the preparations for suffering, despitt the accompanying tortures and trials, are nevertheless not the same as the actual suffering. Let us not forget that the Son of Man suffered and, c e r t a i n l y, as Man; because He is

"by Divine Essence free of all suffering" (The Order of Episcopal Profession). The helplessness of the "slave" before triumphant evil and the whole terror of its victory over the innocent with all its significance confronted Jesus Christ certainly, not in Gethsemane (in His thoughts), but on Golgotha (in actuality). Therefore He endured the "Divine relinquishment," (i.e., that God does not interfere with the triumph of evil over the innocent), not in Gethsemane, but namely on Golgotha, where He cried "My God, my God, what hast thou forsaken me?" The substitution of Gethsemane for Golgotha is possible for Bulgakov only because for him the Logos Himself and even the whole Holy Trinity suffers much as It suffered during the Incarnation of the Word and even at the Creation of the world. This is why such pictorial beliefs of the "break" within the Holy Trinity during the sufferings are possible with Bulgokov. Thus, "He gave up the ghost," (for the Church — the Human) Bulgakov is ready to relegate to the Divinity of the Son and even maintains that following this "the Divine Trinity again locks itself into an undivided oneness." Let us allow that such a treatment is permissible in ordinary poetic license or in artistic painting, but when we encounter this in a theological work which, moreover, wishes to present Orthodox doctrine, a Church hymn involuntarily comes to mind: "Inflicting suffering upon the Divinity, confusion is visited upon all, alien in their wisdom."

(Octoechos).

* * * * *

With the foregoing we conclude our inquiry into Professor-Archpriest S. N. Bulgakov's system.

This examination indicates rather conclusively that the teaching of Bulgakov: (1) is not Churchly in its intention, does not propose to regard the doctrine and tradition of the Church and in certain points clearly sides with false teachings synodically condemned by the Church; (2) introduces so much which is original and arbitrary into the understanding of the basic dogmas of the Faith by the contents, that it more readily reminds one of Gnosticism (also condemned by the Church), rather than of Christianity, even though it operates (as does Gnosticism) with terms and concepts familiar to the Christian; (3) is more dangerous by the possible practical conclusions which derive from it than it is attractive in the seeming profoundness of its conclusions and by its general meditatively-reverent tone. Conveying the idea of the possibility of transferring the responsibility for the Fall to the Creator, this teaching reduces the sense of sinfulness in man, i.e. weakens the very basis of spiritual life. By presenting man's salvation as some kind of Divine world-process within created nature and, in man, in particular, it opens the way for actual perversions of that life.

NOTE: Professor-Archpriest S. N. Bulgakov's teaching on Sophia-Wisdom of God is set forth in his following works: *Svet Nevechernii*, Moscow, 1917; *Petr i Ioann*, Paris, 1927; *Kupina Neopalimaya* (on the veneration of the Mother of God), Paris, 1927; *Drug Zhenika* (the veneration of the Precursor), Paris, 1928; *Lestvitsa Yakovleva* (concerning the Angels), Paris, 1929; *Ikona i Ikonopochitaniye*, Paris 1931; *Agnets Bozhii* (on the Godman), Paris, 1933.

By our Decision of 24 August 1935, No. 93, It is *DECREED*: I. To declare the teaching of Professor-Archpriest S.N. Bulgakov, as an original and arbitrary (sophiological) interpretation often perverting the dogmas of the Orthodox Faith and in certain of its points actually repeating false teachings already synodically condemned by the Church; which is even capable of endangering the spiritual life by possible inferences from it; to recognize the teaching as foreign to the Holy Orthodox Church of Christ and to forewarn all Her faithful ministers and children against the enticement which it presents.

II. To summon the Orthodox Venerable Archpastors, clerics, and laity who have been so imprudent as to be attracted by Bulgakov's teaching and have become his followers in their teaching, in written or printed works, to correct the tolerated errors and to reaffirm their steadfast fidelity to "healthy doctrine."

III. Not to render an especial judgement at this time concerning Archpriest S.N. Bulgakov himself, who is out of communion with the Orthodox Church of the Moscow Patriarchante, but in the future, should the occasion arise regarding the reception of Archpriest Bulgakov into communion, to require as the conditions of such a receptance a written repudiation of his sophiological interpretation of the dogmas of the Faith and of his other errors regarding the doctrinal aspect of the Faith and a written avowal of firm fidelity to the doctrine of the Orthodox Church.

Substitute of the Patriarchal Locum Tenens,
Sergius, Metropolitan of Moscow.
Chancellor of the Moscow Patriachate,
Archpriest *Alexander Lebedev*.

7 September 1935.
No. 1651 ,

Printed in U. S. A. RAUSEN BROS. 417 Lafayette Street New York 3, N. Y.

of
ne
re
al

h-
ol-
tr
he
ug
8;
is,
ts

is
or-
ry
g-
ts
ly
le
es
ly
er
nt

rs,
be
his
ks,
eir

ne
is
he
he
est
ns
ni-
nd
of
ne

ns,